совхоза «Темижбекский» Герой Соцтруда Евдокия Селивёрстова говорит о том, что для того, чтобы быть хорошим агрономом, надо свою землю любить... и Родину, и ещё народ свой хорошо знать. В станице Темижбекской Евдокию Петровну помнят хорошо, и её преемники рассказывают, как в возрасте хорошо за восемьдесят она дотошно и профессионально интересовалась и состоянием посевов, и современными агроприёмами. И ещё эти крепкие мужики с дублёными лицами, которые реально кормят страну, перед нашей камерой совершенно искренне и без всякой позы повторяют практически те же слова из старой хроники про любовь к земле и Отчизне и о народе русском.

А ещё достаточно важными для ткани фильма оказались совсем другие герои. Самые разные, от Михаила Николаевича Рогова — повара, который пёк знаменитые роговские пирожки на хуторе Извещательном в предместье Ставрополя, до Михаила Сергеевича Горбачёва, первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС, который тоже всего лишь один из героев нашего повествования, по замыслу не лучше и не хуже остальных, герой сюжета о строительстве колоссального Ставропольского канала, например, вместе с инженерами и проходчиками. Спустя сорок лет отношение к Горбачёву в обществе сложное, неоднозначное, а пекаря Рогова до сих пор помнят и любят безоговорочно, выражение «роговские пирожки» осталось во времени со знаком плюс без сомнения. Почему — не загадка, просто человек хорошо делал свое дело, просто был порядочен и талантлив, просто не жадничал, использовал свежее масло и следил за персоналом.

Мы приехали в прославленную некогда пирожковую, попросили у тамошних тёток разрешения на съёмку, они пококетничали, но согласились, а потом в качестве гонорара выдали нам по паре хрустящих изделий. Нормальные пирожки, едали и повкуснее. Возможно, время изменилось, а с ним потребности и вкусы. Мы спросили служительниц кухни, знают ли они песню о роговских пирожках, сочинённую в прошлом веке, и они ответили, что не знают. Вот это было досадно!

Теперь они песню знают. Потому что посмотрели фильм и позвонили по оставленному телефону, чтобы это сообщить. Связь времён чуть-по-чуть восстановилась. &

Однажды в редакцию «Северян» заглянул Сергей Павлович Волков, блестящий рассказчик, балагур, анекдотчик — легенда ямальской журналистики. Мы тогда придумывали что-то в стиле ретро, и в качестве иллюстративного материала он притащил несколько листов украинских почтовых марок. На них — портреты его родителей

Мама — Валентина Яковлевна, пережила оккупацию, отец — Павел Кириллович, три года провел в плену. Весь тираж оплачен из кармана Палыча. За разглядыванием этого частного выпуска мы и перешли к воспоминаниям о войне.

Нередко эта тема сама находит своих авторов, ошарашивает какой-нибудь потрясающей историей и уже не отпускает до самого выхода в печать. Так вышло и в этот раз. Я рассказал Палычу о том, как искал следы двоюродного деда, ушедшего на фронт добровольцем и павшего в стремительной атаке штрафбата на Смоленщине, а он —

Андрей **Баландин**, главный редактор «Народного журнала "Северяне"», Ямало-Ненецкий автономный округ

Как журнал искал секрет человеческой стали

Фото из архива Павла Волкова

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ | КАК ЭТО БЫЛО

«ПРОСТИТЕ, ЧТО ВЕРНУЛСЯ ИЗ ПЛЕНА ЖИВЫМ!»

Андрей БАЛАНДИН
г. Салехард

– В первую же минуту нашей встречи я жестоко обидел отца. Стояла осень 1945 года. Мы жили в Киеве и за окнами нашей крошечной квартиры на Евбазе*, звеня медалями, проступывались фронтовики. И вот в дверь постучали. «Кто там?» В комнату шагнул худой человек в солдатской шинели. Все вокруг радостно закричали: «Павлик, Павлик вернулся!» Мне было уже пять лет, и я сразу понял, что это и есть мой отец-фронтовик, Павел Кириллович Волков. Я подошёл к нему и говорю: «Здравствуй, папа». Вокруг все заахали: «Надо же, узнал!» А я, между тем, продолжаю фразу: «Папа, а где же твои ордена?»

Откуда мне было знать, что отец вернулся не из поверженного Берлина, а из фашистского плена! Думаю, от моих слов ему стало очень горько и обидно. В тот миг моя физическая память включилась и началась осознанная жизнь. Всё, что было до того дня, я не помню...

«Встречи» в новом формате

Мой знаменитый коллега, Сергей Павлович Волков – спец по житейским историям. Ямальской публике он известен как автор многочисленных статей, очерков и ведущий популярной телепередачи «Встречи». Повествовать о людях – его стезя. Но есть одна история, которую он так и не решился из-

Сергей Волков и его мама Валентина Ивановна в мае 1945 года. Глава семьи Павел Кириллович ещё не вернулся домой, но война уже закончилась, мой судьбою позади...

*Евбаз – просторечное название Еврейского базара в Киеве.

14 СЕВЕРНЕ № 1, 2022

С начала оккупации Киева прошло считанные дни, а на улицах уже разгуливают немцы, выходит «новый порядок»...

10 сентября 1941 года, второй день оккупации столицы УССР Киевским правящим в жизни под страхом смерти. К моменту освобождения города численность его населения сократится в разы

отца была несколько раз разбита, но всякий раз, получив пополнение, вновь шла в бой. Весной 1942 года отец побывал в Сталинграде. Бойа там ещё не было, и в красноармейской книжке этот момент не отмечен. Но в там наши бойцы времени даром не теряли. По словам папы, он участвовал в подъёме зенитки на крышу театра ...

О чём молчали фронтовики

– Сергей Павлович, ваш отец отправил домой весточки с фронта? И что тогда происходило в Киеве?

16 СЕВЕРНЕ № 1, 2022

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ | КАК ЭТО БЫЛО

ца Гальдера, начальника генерального штаба сухопутных войск Германии. Раскрыв по памяти нужную страницу, произнес:

– С этой книгой во мне однажды подонёл отец и зачитал выдержку из главки о событиях 13 июня 1942 года. Вот, послушай: «В районе Волчанска достигнуты блестящие успехи. Окружены крупные силы противника. Взято 20 000 пленных»...

Так вот, по словам отца, этот отрывок как раз про него, – пояснил Сергей Павлович. – Батя мрачно описал мне картину того злополучного дня. Его часть наступала на харьковском направлении и командование, страдая головокружением от успехов, не особо заботилось о флангах. Но отец об этом ничего не знал. Сидя за баранкой грузовика, он думал о своем дне рождения и надеялся, что как-нибудь отметит его с друзьями в ближайшем селе. Поставаясь воспроизвести его слова:

«Едем... Сыплются по стране. Это наши

танки помогают, говорят командиры. Потом закуплено снега. Это тоже наши, фрицы гонят, понимающе кивают все вокруг. Потом закуплено сыдли. Гляди, и впрямь танки прут, достоевят колонну. Ещё минута и – стоп машина. Всем вокруг: Немецкие панцер-гренадеры быстро построили всех пленных вдоль дороги. Полатработников и военнослужащих отделили от общей массы и на глазах у всех расстреляли. Вот так, Сергей, начался мой плен»...

По словам собеседника, его отец описал дальнейшие события весьма сухо: «Больше ещё, чем сказал. И всё же было бы интересно представить хоть какие-то детали этого маршрута.

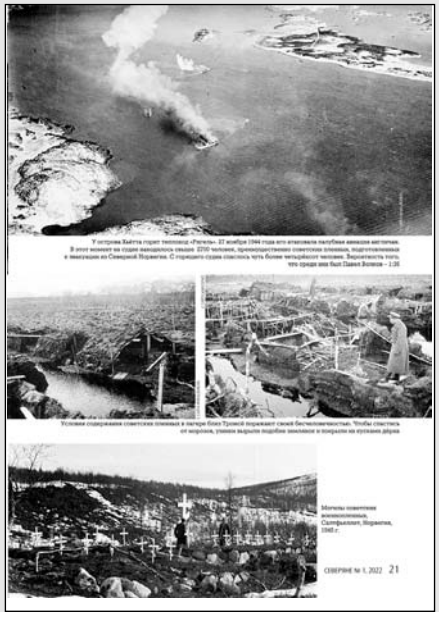
Как следует из различных публикаций, поток советских пленных следовал в Норвегию через портовый город Штеттин. Там их грузили на различные суда, чтобы доставить по Балтике в Осло или какой-нибудь другой порт. Людей тренировали в трюмы как скот. Несмотря на то, что в поездку отправлялся физически крепкий мужчин, многие умирали

К моменту освобождения лагеря Фальстад многие военнослужащие всё ещё носили бушлаты

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ | КАК ЭТО БЫЛО

По данным западного исторического вуза Марины Пинецер, женщинный рацион советских военнопленных в Норвегии был крайне скудным: литр вегетарианского супа, 300 граммов хлеба, кусочек внешнего мяса, картофеля или рыбы. Вот слова узников: «Если три раза. С утра пили кипящий чай. Днем суп из гнилых овощей и брюквы, который мы называли «солдатский прожолжой». Немного хлеба и чай на ужин. 200 граммов эквивалента дневного на двадцать человек». Примечательно, что готовили заключенные сами – на кострах, зачастую используя для этого ведра и жестяные банки

Узники нацистского лагеря Ласскоп всякие после освобождения советскими Красноармейцы настроение поглядывают на американского фотографа

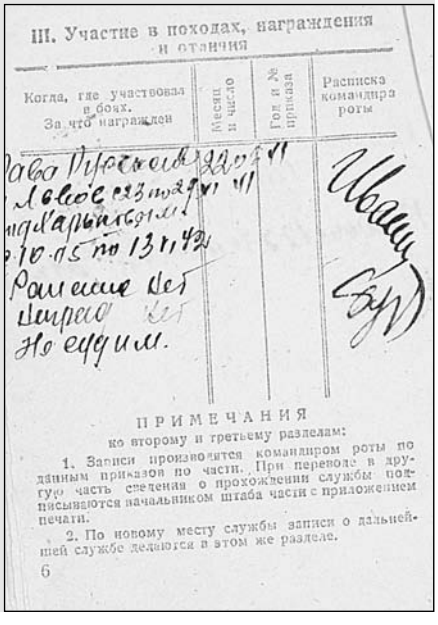


У острова Хайгта горит теплоход «Рагель». 27 ноября 1944 года его атаковала английская авиация местная. В этот момент на судне находилось свыше 2700 человек, преимущественно советских пленных, подготовленных к эвакуации из Северной Норвегии. С горящего судна спаслось чуть более четырёхсот человек. Вероятность того, что среди них был Павел Волков – 1:36

Условия содержания советских пленных в лагерях близ Тромсё поражают своей бесчеловечностью. Чтобы спастись от морозов, узники вырыли подобие землянок и покрыли их кусками дёрна

Могилы советских военнопленных, Сиэрбрикент, Норвегия, 1945 г.

СЕВЕРНЕ № 1, 2022 21



III. Участие в походах, награждения и отличия

Когда, где участвовал в боях. За что награжден	Месяц и число	Год и № приказа	Расписка командира роты
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

ПРИМЕЧАНИЯ

ко второму и третьему разделам:

1. Записи производятся командиром роты по данным приказов по части. При переводе в другую часть сведения о прохождении службы подписываются начальником штаба части с приложением печати.

2. По новому месту службы записи о дальнейшей службе делаются в этом же разделе.

6

о своём отце, прошедшем всю войну сначала с трёхлинейкой, затем с одним лишь несгибаемым духом. Вот так и время, и тема выбрали нас...

Вообще о своём отце Палыч должен был писать сам, но так и не решился. «Слишком сложная тема», — заявил он мне после долгих уговоров. Почему сложная? Потому что это не просто о боевом пути отца, перечне фронтов и выписках из наградных листов.
Чтобы реализовать поставленную задачу — рассказать о судьбе советского военнопленного — пришлось бы поведать о силе духа, о том, как настоящий подвиг в преломлении идеологических предрассудков обретает неприятные, уродливые черты. А это уже очень личное, пережитое напополам с детской обидой и болью. И снова вытаскивать это всё наружу — всё равно что рождаться заново. Вспоминая первые послевоенные годы, Палыч как-то сказал: «В те времена смело рассуждать о плене было равнозначно разговорам о верёвке в семье повешенного». После этого я отстал от него с уговорами и предложил вместе поработать над этим материалом.

Так и родился очерк «Простите, что вернулся из плена живым!». Палычу, кстати, заголовок не понравился. Сказал, что хочет чего-то авторского, без прямой отсылки к фильму Григория Чухрая. Я же решил подчеркнуть типичность этой истории... Один благодарный читатель написал: дескать, вот хорошая публикация о войне. Да нет же, она не просто о войне, а о человеке, её пережившем. Она о ценностях того тяжёлого времени. О том, что для маленького Серёжи Волкова главным были отцовские награды. А для его отца — записи в красноармейской книжке, подтверждавшие право смело смотреть людям в глаза. Разные у детей и взрослых ценности.

Вообще работать над этим материалом было очень интересно, потому что эта история действительно удивительная. Главный герой пережил длительный этап из Харьковской области в Померанию, изнурительный морской рейс в трюме сухогруза и провёл почти три года в концлагере на территории Норвегии. Условия содержания там были несоизмеримо тяжелее того, что выпало на долю заключённых, работавших на 501-й сталинской стройке «Чум—Салехард—Игарка». Кстати, как выяснилось, эта стройка могла стать вторым местом заключения Павла Волкова. Но ему после освобождения удалось пройти строгую проверку. Чего не скажешь о многих его друзьях, сменивших норвежские концлагеря на бараки ГУЛЖДС НКВД...

Чтобы уточнить детали лагерного быта, условия содержания и историю самой северной группы советских военнопленных, пришлось найти и изучить немногочисленные — в том числе зарубежные публикации по этой теме. Была даже идея разыскать в европейских архивах лагерную карточку Павла Волкова, содержащую название шталага и фотографию заключённого. Но мой собеседник решил, что это лишнее...

Очень пригодились мемуары с портала проекта «Я помню». Пара цитат фронтовиков, прошедших тем же путём, что и Павел Волков, сделали повествование эмоциональнее и содержательнее.
А ещё они прояснили важную деталь: советские военнопленные, освобождённые союзниками в Норвегии, имели право выбора — вернуться домой или эмигрировать. При этом они были осведомлены о грядущих проверках и опасности уголовного преследования в СССР. Тем не менее основная масса этих людей предпочла вернуться на Родину. Это ли не показатель их верности присяге, семье и Отечеству?

История человеческой жизни подобна нити — потянешь за неё, и вот уже проясняются новые подробности людского бытия, а портрет главного героя становится чётче, целостнее. Именно так случилось с этим очерком, который вырос из формата обычной заметки о герое-фронтовике.
Благодаря этой публикации наши читатели знают, что в войну сталь закалялась не только в пламени боёв, но и в холоде арктических лагерей; они видят пример человека, которому хватило этой закалки на долгую честную жизнь.

&